

УДК 821.161.1АХМАТОВА.06

МОТИВЫ И ОБРАЗЫ ГОРОДСКОГО РОМАНСА В РАННЕЙ ЛИРИКЕ А.А. АХМАТОВОЙ

© 2012 Е.В. Паршина

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 20 февраля 2012 г.

Аннотация: В данной статье рассматривается лирика А.А. Ахматовой в аспекте соприкосновения со стихией городского фольклора, а именно – с городским романсом. Были выявлены закономерности и специфика функционирования таких элементов городского романса, как мотивы страсти, проклятия, тоски, болезни, ревности, супружеской измены, близкой смерти, а также характерные черты типичной героини городского романса, оттеняющие или обыгрывающие индивидуальность лирической героини. В заключении статьи сделаны выводы о роли мотивов и образов городского романса в ранней лирике Анны Ахматовой.

Ключевые слова: А. Ахматова, городской романс, образ, мотивный анализ, лирика, литература и фольклор.

Abstract: This article focuses on the lyrics of Anna Akhmatova in terms of contact with the elements of urban romance. In analyzing the works of Anna Akhmatova were identified specific patterns of functioning of several elements of urban romance, such as the motives of passion, cursing, depression, disease, jealousy, infidelity, death, and the characteristic features of a typical urban romance heroine important for the image of lyrical. We drew conclusions about the role of themes and images of urban romance in the early poetry of Anna Akhmatova.

Keywords: Anna Akhmatova, urban romance, image, motivic analysis, lyrics, literature and folklore.

Одна из причин особой гармонии и цельности в творчестве Анны Ахматовой была подмечена О.Э. Мандельштамом: «Ахматова применяла с исключительным упорством традиционные приемы русской, да и не только русской, а всякой вообще народной песни» [1, 210]. Е. Эткинд в статье «Память и верность» тоже отмечает связь поэзии Ахматовой с устным народным творчеством: «Анна Ахматова впитала в свою поэзию стихию фольклора – и плач, и причитание, и частушку, и жестокий городской романс, и застольную, и заклинание, и многообразнейшие “песенки”» [2]. Русская народная поэзия была важнейшим источником вдохновения для поэта. Определяющее значение для творчества А. Ахматовой в целом, по словам В.М. Жирмунского, имеет широкое использование языка и стиля народной поэзии, а тем самым народного восприятия действительности. «Народные формы параллелизма и повторений, народная символика, лексика и фразеология, дактилические окончания, с рифмой и без рифмы, определяющие лирическую структуру народного стиха, – все это взаимодействует с теми оригинальными поэтическими средствами, которыми располагает Ахматова как современный лирик», – заключает исследователь [2, 71]. Этот синтез индивидуально-авторского взгляда, мировой культурной традиции и элементов устной народной поэзии придает поэзии Анны Ахматовой потрясающее своеобразие,

обнаружившее себя уже при первых её шагах в литературе и не утраченное ею на протяжении всего долгого и непростого творческого пути. «Ахматова (с годами все более) умеет быть потрясающе народной без всяких «квази», без фальши, с суровой простотой и с бесценной скупостью речи», – писала Мариэтта Шагинян [3, 119].

По словам В.М. Жирмунского, основное место в лирике Ахматовой бесспорно занимает любовная тема – как в народной песне и в сонетах Петрарки, в лирике Гете и Пушкина, да и во всей мировой поэзии вообще. Именно в этом тематическом поле и будут в основном проявлять себя мотивы городского романса, так как исследователи отмечают, что данный жанр фольклора уделяет большое внимание теме любви как в её духовном, так и социально-бытовом аспекте. «Городской романс даёт необычайное для песенного жанра многообразие в изображении любви», – отмечает Я.И. Гудошников [4, 35].

Отметим, что термин мотив понимается нами как эстетически значимая и семантически целостная единица сюжета, с помощью которой образно реализуется сюжетная схема произведения. Константные мотивы городского романса, имеющие повествовательную, предикативную природу, распределяются следующим образом в соответствии с жанровой разновидностью песен: для жестокого романса это мотивы убийства, самоубийства, обмана, ревности, мести; для элегического – свидания, разлуки, тоски; для игривого и сатирического – пьянства, разгула, уныния и т. п. Эти мотивы яв-

© Е.В. Паршина, 2012

ляются яркими маркерами жанра, который в свою очередь является продуктом эпохи, народного сознания, отражает миропонимание своего времени. И если, по словам Д. Благого, мотив является как бы шелковой цветной нитью в пестрой сюжетной ткани, отдельным камешком сложной сюжетной мозаики, то наша задача — увидеть нить романского мотива в полотне поэзии Серебряного века и творчестве Анны Ахматовой в частности и понять, какие оттенки и свойства она ему придает.

Наиболее драматично и лично звучит тема несчастливой любви, «любви-муки» в цикле «Черный сон», объединившем стихотворения разных лет, с 1913 по 1921. В стихах этого цикла поэт переосмысливает бывшее, придавая ему зловещее оформление казни, мучения, страданий.

Уже в первом стихотворении цикла звучит мотив казни, воплощенный в фигуре палача, который ещё не раз появится на протяжении цикла:

*Мне снится, что меня ведет палач
По голубым предутренним дорогам. [6, 139]*

Наблюдая дальнейшее развитие внутреннего сюжета цикла, отмечаем нагнетание мрачных красок. Зловеще звучат строки:

*Но любовь твоя, о друг суровый,
Испытание железом и огнем. [6, 140]*

В третьем стихотворении звучит сравнение любви с нестерпимой болью:

*От любви твоей загадочной,
Как от боли, в крик кричу. [6, 140]*

Именно это стихотворение можно назвать своеобразной эмоциональной кульминацией цикла, его «точкой кипения». Здесь драматизм переживания лирической героини доведен до предела, и в этой «родной» для себя стихии проявляются характерные для жестоких городских романсов мотивы близкой смерти, желанной смерти и мотив чахотки.

Мотив чахотки широко распространен в текстах жестоких романсов:

*А тут лежит одна девица,
От любви померла,
От любви, от чахотки
В сыру землю жить пошла [7, 135].*

В приведенном примере видим распространенную в подобных песнях связку мотивов чахотки и смерти героини. В жестоком городском романсе болезнь практически отождествляется с душевным недугом героини — несчастной любовью или изменой возлюбленного, или представляется как непосредственное следствие любовных страданий. По сути, это метафорическое образование, ведь любовь заставляет персонажей песен так же стремительно и мучительно чахнуть, как и упоминаемое заболевание.

В качестве реализации мотива чахотки в стихотворении встречаем и прозаическое «...стала желтой и припадочной, еле ноги волочу» и надрывно-претенциозное «...но когти, когти неистовой мне

чахоточную грудь». Очевидно, что данный мотив в структуре лирического сюжета стихотворения призван показать предельную душевную и физическую изнуренность лирической героини, причина которой — «загадочная любовь» «палача», «сурового друга». Поэт не дает более точного указания, что именно приводит героиню к такому состоянию, однако мы видим, что трактовка мотива схожа с романсной.

Неудивительно в этом случае присутствие в стихотворении мотива близкой/желанной смерти, который, как уже было сказано, частотен в жестоком романсе. Вот наиболее яркие примеры:

*Забейте крест до медных слов,
Что умерла через любовь [7, 147].
Венок терновый, гроб дубовый
Со мной на кладбище снесут.
Там жестко спать, там нет измены
И нет коварных, злых мужчин,
И там залечит сердце раны,
Которы есть в груди моей [7, 142].*

Но если в фольклорном романсе героиня говорит о своей будущей смерти как трагедии, виной которой — измена возлюбленного, то в стихотворении Анны Ахматовой лирическая героиня торопит свою гибель, так как видит в ней единственное средство освободиться от сердечной привязанности к мучительно, разрубить узел, где сплелись любовь и боль:

*Чтобы смерть из сердца вынула
Навсегда проклятый хмель [6, 140].*

Мотив близкой смерти ещё не раз появляется в цикле «Черный сон». Так, в четвертом стихотворении читаем:

*Если надо — меня убей,
Но не будь со мною суров.(...)
Отдала тебе жизнь, — но грусть
Я в могилу с собой возьму [6, 141].*

Или в пятом стихотворении «Третий Зачатьевский», названном так по наименованию переулка в Москве, куда Ахматова и Шилейко переехали в 1918 году:

*Переулочек, переул...
Горло петелькой затянул. (...)
Мне бы тот найти образок
Оттого, что мой близок срок [6, 141].*

Здесь мы уже не чувствуем надрыва, не слышим крика, но можем вновь узнать уже знакомый стоицизм ахматовской лирической героини, остающейся верной себе перед лицом любых испытаний судьбы.

В стихотворении 1919 года, которое Ахматова в цикл не включила, вновь появляется фигура палача, а лирическая героиня предстает старой женщиной, искалеченной его жестокостью:

*А мой палач глядит веселым взором
И хвалится искусною работой,
Рассматривая на поблекшей коже
Следы побоев. Господи, прости! [6, 318]*

Не включила, видимо, потому, что шестое,

заключительное стихотворение цикла, датированное августом 1921 года, содержит иную развязку лирического сюжета. В начале стихотворения лирическая героиня с возмущением восклицает:

*Тебе покорной? Ты сошел с ума!
Покорна я одной господней воле.
Я не хочу ни трепета, ни боли,
Мне муж — палач, а дом его — тюрьма [6, 142].*

Так как лирическая героиня никогда не была угнетенной и подавленной, нельзя сказать, что она встает с колен или поднимает голову, нет. Она просто наконец разобралась в своих чувствах и приоритетах, освободилась от «неволи» этой любви. Лирическая героиня прощает и прощается, говоря:

*Теперь во мне спокойствие и счастье.
Прощай, мой тихий, ты мне вечно мил
За то, что в дом свой странницу пустил [6, 142].*

Таким образом, в цикле «Черный день» мы обнаружили родственные жестокому романсу тематику и элементы мотивной структуры сюжета. В кульминационной точке цикла, стихотворении «От любви твоей загадочной», мотивы городского романса наиболее полно выражены, что придает всему стихотворению звучание, близкое жестокому романсу. Однако весь цикл в полноте мотивов и образов, составляющих его лирический сюжет, в итоге окрашен финальным «спокойствием и счастьем» лирической героини, освободившейся от гнета противоречивых чувств не с помощью отравы или ножа, а переосмыслением и прощением, шагом в новую жизнь.

Есть одна важная черта, в определенной мере роднящая творчество Анны Ахматовой и городской романс, — это звучание в них женского голоса. «Городской романс впервые в истории русской песенной поэзии дает активный женский образ», — пишет Я.И. Гудошников [4, 56]. Эта активность героини в городском романсе выражается в том, что она сама выбирает свой жизненный путь, отвергая устои патриархального общества, сама же и расплачивается за своё решение. Героини фольклорных романсов рассказывают восторженные и печальные истории, в которых голос женщины звучит прямо и непосредственно.

В работе В.М. Жирмунского «Творчество Анны Ахматовой» исследователь отмечает: «Новым (вернее, редким в истории поэзии, в том числе и русской) было в особенности то, что устами Ахматовой заговорила женщина. Из объекта поэтического чувства женщина стала в поэзии лирическим героем» [2, 67].

Образ героини, тоскующей и печальной, с грустью обращающейся к воспоминаниям о минутах счастья, мы видим в стихотворении «Как вплелась в мои темные косы...». Интересно здесь обращение к образу соловья как свидетелю былой любви. Он нередко фигурирует в городском романсе. Например:

*Помню, приветно трещал нам соловья,
Миг тот на сердце всегда сохранию [7, 105].
Не спала я всю ночь до рассвета,
Распевали в саду соловьи... [7, 106]*

В стихотворении Ахматовой этот образ разворачивается с большой психологической полнотой, он показан в развитии: в начале стихотворения соловей «безголосый», здесь можно говорить о психологическом параллелизме с лирической героиней:

*Как вплелась в мои темные косы
Серебристая нежная прядь, —
Только ты, соловей безголосый,
Эту муку сумеешь понять [6, 70].*

В финале стихотворения автор ретроспективно показывает другое свойство ныне безмолвной птицы:

*А еще так недавно, недавно
Замирали вокруг тополя,
И звенела и пела отравно
Несказанная радость твоя. [6, 71]*

Популярный в городском романсе образ соловья в произведении Анны Ахматовой не просто упоминается, как маркер романтического или элегического тона, а олицетворяет движение чувств лирической героини, то есть играет главную роль в лирическом сюжете.

В стихотворении 1912 года «Отрывок» образ лирической героини связан с мотивом тоски в рамках темы несчастной любви:

*...И кто-то, во мраке дерев незримый,
Зашуршал опавшей листвою
И крикнул: "Что сделал с тобой любимый,
Что сделал любимый твой!
Словно тронуты черной, густою тушью
Тяжелые веки твои.
Он предал тебя тоске и удущью
Отравительницы-любви [6, 55].*

В соответствии с традицией городского романса далее на первый план выступает мотив близкой смерти:

*И напрасно стараешься быть веселой —
Легче в гроб тебе лечь живой! [6, 55]*

Именно эта формула в различных вариантах является распространенным элементом сюжета жестоких и элегических городских романсов: сама героиня или третье лицо пророчат её скорую гибель:

*Мне скучно жить без друга, (...)
Не лучше ли мне будет
Живой в могилу лечь?
Жива в могилу лягу,
Скажите — померла,
И до последней капли
Была я влюблена! [7, 268]*

Лирическая героиня Ахматовой, напротив, не поддается наущениям неизвестного голоса, возражает ему, защищая своего возлюбленного и оставаясь на своей позиции. Таким образом, в данном случае мы можем отметить расхождение

позиций лирической героини Анны Ахматовой и героини городского романа при тождественной изначальной ситуации, заданной мотивами тоски и близкой смерти.

В более позднем стихотворении, датированном июлем 1921 года, автор прямо противопоставляет свою лирическую героиню образу героини городского романа, обыгрывая его романскими константными мотивами:

*А ты думал^— я тоже такая,
Что можно забыть меня,
И что брошусь, моля и рыдая,
Под копыта гнедого коня.
Или стану просить у знахарок
В наговорной воде корешок
И пришлю тебе странный подарок^—
Мой заветный душистый платок [5, 201].*

Эти мотивы действительно нетрудно найти в текстах романсов. В сборнике «Русский жестокий романс» В.Г. Смолицкого и Н.В. Михайловой есть романс под названием «Как в одной небольшой деревушке», где видим такие строки:

*Ты разлюбил меня, милый,
Но я^— ни за что, ни за что!
(...)И лошадям под копыта
Тонечка бросилась вдруг [8, 64].*

Мотив отравы («в наговорной воде корешок») обнаруживается в тексте песни «По лужочку гуляла...» в сборнике «Песни, пословицы и поговорки, собранные А.В. Кольцовым» [9, 27], а также в романсе:

*Дайте с горя снадобья
Дружка воротить,
Или сердцу бедному
Запретить любить [7, 247].*

«Душистый платок» тоже часто упоминается в городских песнях, например:

*Ты подари ему платочек
И вышей ниткой голубой.
Он чтоб на каждое свиданье
Платок дареный брал с собой^—
Тогда меня он позабудет,
Тебя полюбит всей душой... [7, 37]*

Все эти мотивы, отсылающие читателя к традиции городского романа, работают на главную антитезу стихотворений: противопоставляется схема поведения героини городского романа, то есть обычной девушки, убитой горем расставания, и позиции лирической героини Анны Ахматовой, которая гордо отрекается от «окаянной души» обидчика, проклиная его и клянясь всем святым, что у неё есть: «Я к тебе никогда не вернусь».

*Паршина Е.В. Воронежский государственный университет. Аспирант кафедры теории литературы и фольклора филологического факультета
E-mail: p_e_v.89@list.ru*

В этом и других стихотворениях Анны Ахматовой (на фоне всей её лирики) мотивы городского романа выступают наиболее ярко и отчетливо.

Заключение

Итак, творчество Анны Андреевны Ахматовой обнаруживает тесную связь с народной поэзией, в первую очередь с городской песней-романсом. Наиболее значительными элементами фольклорного романа, встречающимися в произведениях поэта, оказались мотивы страсти, проклятия, тоски, чахотки, ревности, супружеской измены, близкой смерти. Среди характерных для городского романа образов, к которым прибегает Ахматова, стоит отметить образ соловья как свидетеля былой любви. Анна Ахматова использует образ героини городского романа, наделяя её чертами лирическую героиню («Как вплелась в мои темные косы...», «Я с тобой не стану пить вино...») или вводя в стихотворение сопутствующие ей мотивы городского романа как основание для сравнения или противопоставления, сюжетообразующей антитезы («Лучше б мне частушки задорно выкликать...», «А ты думал, я тоже такая?..»).

В целом надо отметить, что мотивы городского романа проявляются в лирике Ахматовой в период её раннего творчества, в основном до 1921 года.

Роль мотивов городского романа в лирике Анны Ахматовой^— в привнесении особого драматизма и эмоционального накала в стихотворение, в обеспечении связи со стихией городского фольклора. Эти мотивы выполняют также аллюзивную функцию, отсылая читателя к определенному пласту фольклора, эпохе и душевному настрою людей, что позволяет автору размышлять над этим материалом, спорить или соглашаться с его концепцией.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Мандельштам О. Э. Слово и культура / О.Э. Мандельштам.^— М., 1987.^— 320 с.
2. Эткинд Е.Г. Память и верность / Е.Г. Эткинд (http://www.akhmatova.org/bio/vzh_00.htm).
3. Жирмунский В. М. Творчество Анны Ахматовой / В.М. Жирмунский.— Л., 1973.— 182 с.
4. Шагинян М.С. Литературный Дневник / М.С. Шагинян.^— М., 1923.^— 220 с.
5. Гудошников Я.И. Русский городской романс. / Я.И. Гудошников.^— Тамбов, 1990.^— 90 с.
6. Ахматова Анна Андреевна. Сочинения : В 2 т. / А.А. Ахматова; Сост. В.А. Черных; Авт. предислов. М. Дудина. — Т.1 : Стихотворения и поэмы / М. : Худож. лит., 1986. — 511 с.
7. Городские песни, баллады, романсы: сб. / сост. : А.В. Кулагина, Ф.М. Селиванов.^— М., 1999.^— 624 с.
8. Русский жестокий романс : сб. / Сост. В.Г. Смолицкий, Н.В. Михайлова.^— М., 1994.^— 120 с.
9. Песни, пословицы и поговорки, собранные А.В. Кольцовым^— Воронеж : ИПЦ ВГУ, 2009.^— 199 с.

*Parshina E.V.
Voronezh State University.
A postgraduate student of the Chair of Theory of Literature and Folklore.*